

впроваджувати не лише нові форми організації повсякденної роботи (спеціалізовані за віковими орієнтирами екскурсії, музейні квести тощо), а й вихід українських музеїв на терени глобальної мережі, що дозволить суттєво покращити привабливість культурних установ, передусім для молоді, збільшить кількість відвідувачів та сприятиме популяризації національної, насамперед мистецької спадщини серед користувачів Інтернету.

БИБЛИОТЕКА КАК МЕТАТЕКСТ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Барма Олег Анатольевич,
*магистр пед. наук,
преподаватель кафедры менеджмента
социально-культурной деятельности
УО «Белорусский государственный
университет культуры и искусств»
(г. Минск, Республика Беларусь)
barma_oleg@mail.ru*

Слово «текст» многозначно. Его смыслы складываются в достаточно широкие и различающиеся понятия, вокруг которых не прекращается полемика, и которые с трудом поддаются попыткам терминологического суждения. Разнообразие в определении обусловливается также и множеством исследовательских программ, использующих понятие «текст» как единицу своего методологического базиса. Проблемой текста занимаются представители различных научных дисциплин: лингвистики, философии, искусствоведения, культурологии, филологии, психологии, но понятие «текст» изучается не только и не столько в рамках вышеперечисленных наук, сколько в рамках методологических концепций, составляющих их функциональный каркас. Преимуществом подходов в определении понятия, статуса, семантического поля феномена текста, позволяет в рамках феноменологии, герменевтики, семиотики, структурализма, постмодернизма выявить общие и частные аспекты, определяющие механизмы функционирования текста, принципы его конструирования и модели соотношения с действительностью. Каждая из вышеперечисленных исследовательских программ в понимании текста актуализирует тот комплекс вопросов, который необходим для решения задач внутри своей проблемной области.

Феноменологический подход в лице Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти актуализировал в науке серию изысканий нацеленных на исследование возможности текста эксплицитно фиксировать внутренний мир автора, его интенциональную систему ценностных координат. Определяя последнее как одно из предметных областей феноменологического подхода в исследовании текстовой реальности, Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти и их последователи ставили в центр внимания не только социокультурный и антропологический аспекты, характеризующие бытие общества, но и индивидуально-личностный.

Герменевтическая трактовка текста в исполнении Х.-Г. Гадамера и М. Хайдеггера направлена на смысловой анализ знаковой природы текста, выработку теории и методологии интерпретации текстов в рамках их бытования в определенной культуре. Герменевтика текста – это процесс осмысления, понимания и трансляция реалий культуры, явленных в их совокупности.

Структуралисты, опираясь на работы К. Леви-Стросса и раннего М. Фуко, разработали методику анализа различных комплексов текстов путем выявления структурного единства, стоящего за знаковым и смысловым разнообразием текстовых прецедентов.

Можно говорить о своего рода изоморфизме понятий «культура» и «текст», взаимосвязь между которыми двунаправленна: изменение сущностных характеристик одного ведет к изменению другого – являются основой исследовательской базы постмодернизма. Ж. Деррида в основу изучения текста положил метод «деконструкции» – семантическое расчленение текста на составляющие с последующим свободным комбинированием их с целью выявления внутреннего, креативного потенциала текста.

Ж. Делез и Ф. Гваттари для определения свойств текста применили термин «ризом». Определяя потенциал номадологической концепции, в рамках которого конструируется ризоморфное осмысление действительности, французские исследователи, обращали внимание на необходимость выявления множественности в семантическом пространстве текста. Множественность позволяет констатировать наличие версификации текстовой семантики, ее принципиальной бесконечности в рамках классического понимания закрытости текста. По Р. Барту сущность этого явления заключается в том, что: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [цит. по: 8, с. 47].

М.М. Бахтин констатировал, что «гуманитарные науки имеют дело не с самой действительностью, а только с текстами (как любыми связанными знаковыми комплексами) ... Повсюду – действительный или возможный текст или его понимание» [цит. по: 4, с. 18].

Взгляды М.М. Бахтина на текст, как предмет исследования, были отражены в семиотическом подходе, в работах Ю.М. Лотмана и представителей Тартуско-московской семиотической школы. Благодаря научным исследованиям Ю.М. Лотмана и его коллег, структурно-семиотический подход в гуманитарных науках, основу которого составляют лингвистические закономерности, был применен к изучению текста как культурологической категории, а культура стала изучаться как семиотическая система.

Для семиотики вся реальность обладает характеристиками текста, она может быть раскодирована и прочитана. Реальность выступает как механизм функционирования культуры и моделей поведения ее носителей: семиотика пытается выявить законы, по которым строится культура и каким образом через текст выявляются смыслы культуры.

В социогуманитаристике выделяются два подхода, к определению понятия «текст» – *имманентный* и *репрезентативный*. В основе первого подхода текст рассматривается как автономная реальность, где исследовательский интерес направлен на выявление его внутренней структуры. Второй подход рассматривает текст как форму представления знаний о внешней тексту действительности. Исходя из соотношенности действительности и текста, ставится вопрос о репрезентативном потенциале последнего по отношению к действительности (репрезентативность в данном контексте свойство выборочной совокупности – «текста» – представлять параметры генеральной совокупности – «действительности»).

Приобретая особую актуальность в научных работах второй половины XX века, текст, как было отмечено нами выше, под воздействием структуралистических концепций, рассматриваться не только как результат языковой артикулированности, но и как любое знаковое образование, обладающее коммуникационным потенциалом. В рамках культурологического анализа текста, как единицы культуры, Ю.М. Лотманом, были заложены основы семиотической культурологии, в рамках которой разработано и введено в терминологическую систему понятие текста культуры, как «некоторого текста-конструктора, который представляет инвариант всех текстов, принадлежащих данному культурному типу... представляет собой наиболее абстрактную модель действительности с позиции ...культуры. Поэтому его можно определить как *картину мира ...культуры*» [цит. по: 5, 65].

Как отмечает Л.М. Гаврилина, «Множество текстов той или иной культуры образуют метатекст, воплощающий наиболее значимое содержание культуры, элементы и структуры ее образа мира, социокультурные коды» [5, с. 65]. По оценке Ю.М. Лотмана «культура рассматривается как совокупность текстов, тогда функция текста культуры будет выступать по отношению к текстам как своего рода *метатекст*» [цит. по: 5, 65].

Тема метатекста становится ключевым аспектом для представителей постмодернизма. Если в начале своего становления постмодернизм устами Ж.-Ф. Лиотара констатировал радикальный отказ от метанарративов, то в контексте современных социокультурных тенденций постмодернизмом формируется иная установка, направленная на поиски новых мыслительных моделей, путем использования отвергнутых ранее программ мировосприятия, с ограниченным вариантом их использования в современных реалиях¹.

Предметная рефлексия метатекстуальности находит свое воплощение в работах Х.Л. Борхеса и У. Эко, но в отличие от своих современников, осмысливавших коконы зарождающегося направления (постмодернизма) в рамках научной рефлексии, Х.Л. Борхес и У. Эко определяли свой взгляд в рамках иной, противоположной науке рефлексии, посредством художественного текста (художественной рефлексии).

Символом метатекста, в художественных текстах писателей-постмодернистов, выступает библиотека. Как метатекст, библиотека репрезентирует смыслы презентированные в текстах, являющихся частью внутреннего смыслового пространства библиотеки, что соотносит последнюю с культурой. Как отмечает В.П. Леонов, «библиотека есть некоторое пространство, включающее в себя собрание всех текстов, написанных человечеством в ходе его исторического развития (метатекст)» [6]. В культуре смыслы презентированы, в тексте же культурные смыслы репрезентированы, то есть текст может транслировать смыслы культуры, так как содержит в себе мир (действительность); понимание (интерпретация мира); ценностное отношение к представленному и понятому. В свою очередь библиотека как метатекст первичных текстов, с одной стороны, презентирована, а с другой, репрезентирована мир и культуру с учетом той преобладающей ценностной системы координат, которая

1. Идея исторической реабилитации «великих повествований» происходит в рамках постнеклассического типа рациональности, где онтологические и методологические принципы постмодернизма, как и синергетики, могут быть рассмотрены в качестве одних из важнейших экземплярификаций постнеклассической рациональности. Как пишет В.С. Степин, «Становление постнеклассической рациональности ограничивает поле классического и неклассического типов рациональности [...], но не приводит к их уничтожению [...] Они могут использоваться в познавательных ситуациях, но только уже утрачивая статус доминирующих и определяющих облик науки» [11, с. 207].

является господствующей в данный момент, а это, в свою очередь, оказывает влияние на понимание субъектом мира и культуры. По В.П. Леонову, «библиотека есть текст вторичный, через который обеспечивается доступ к текстам первичным» [6], таким образом, библиотека содержит схему, картину мироустройства, категориальную систему координат, в которой отражена специфика эпохи.

Для исследования библиотеки как метатекста в культуре постмодерна, мы будем использовать понятие «постнеклассика», введенное в науку В.С. Степиным, и определяющее современный этап развития научной рациональности, в рамках которой онтологические и методологические принципы постмодернизма являются важнейшими экземпляризациями ее рациональности.

Постнеклассическая культура, как отмечает С.Н. Оводова, «культура второй половины XX века, характеризующаяся как нелинейная, неопределенная, нестабильная, самоорганизующаяся, поливариантная система, постулирующая отсутствие единой познавательной модели» [9, с. 35]. В постмодернизме, в качестве смыслового аналога может выступать упоминаемый в нашей статье номиналогический проект, фундированный, по оценке М.А. Можейко, «отказом от презумпции константной гештальтной организации бытия, что находит свое выражение в констатации постмодернизмом понятия “ризомы” – принципиально аструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющей возможность для ее имманентной подвижности, т.е. реализации креативного потенциала самоконфигурирования» [7, с. 43]. Именно последнее определяет статус текста в культуре постмодерна, направленное не на констатацию наличия некой устойчивой смысловой структуры текста, а на выявление ее подвижности (подвижность, которая меняется от читателя к читателю и зависит от конкретной исторической эпохи), позволяет проникнуть в смысловой объем произведения, в процесс означивания.

По Х.Л. Борхесу, пространство культуры в целом можно представить в виде библиотеки («Всемирная библиотека», «Вавилонская библиотека»), которая содержит в себе: написанные и существующие тексты; тексты, когда-либо написанные, но утраченные человечеством; никогда не писавшиеся и еще не написанные тексты; «тексты» как механические комбинации букв, «Библиотека всеобъемлюща... на ее полках можно обнаружить все возможные комбинации» [1]; тексты, в которых содержатся все вышеперечисленные тексты, или книгу книг, каталог всей библиотеки.

В «Вавилонской библиотеке» Х.Л. Борхес объясняет не только механизм пространства (жизнь как путешествие из текста в текст), но и возникновение представления о метатексте: если из слов составляются тексты, то и из самих текстов, как знаков следующего уровня в иерархии, можно создавать еще более масштабные тексты – метатекст.

Библиотека и есть такой метатекст, составленный из бесконечного числа возможных комбинаций бесчисленных текстов. Библиотека Х.Л. Борхеса включает не только тексты, авторство которых принадлежит человеку: она «сама» занимается семиотической игрой в порождении новых текстов. Материалом для игры выступают существующие тексты, а механизмом – выбираемый способ их отображения [3]: «... ходят разговоры о горячечной Библиотеке, в которой случайные тома в беспрерывном пасьянсе превращаются в другие, смешивая и отрицая все. Что утверждалось, как обезумевшее божество» [1].

Библиотека аббатства У. Эко из романа «Имя розы» повторяет расположение стран света («предел Африки»). При этом в структуре книгохранилища зашифрована идея о соотносённости земного с небесным: если сложить начальные буквы названий комнат восточной башни, то получим FONS ADAE – Слово Божие, размещённое в земном раю (значит, и саму библиотеку также следует читать как книгу!). Одновременно библиотека – это и лабиринт, в котором навсегда исчезают те, кто не устоял перед желанием открыть запрещённые аббатом тексты («войдя, вы можете не выйти из библиотеки» – констатирует У. Эко). Недоступный в своей целостности, «порядок» библиотеки вводит человеческий ум в смятение: «высшая степень смятения, основанная на высшей степени упорядоченности» – отмечает Е.Е. Бразговская [3].

С одной стороны, библиотека У. Эко предоставляет нам «карту» своего прочтения – нарративную структуру, элементы которой открываются как «ящички со значениями и смыслами», с другой стороны, читатель обладает возможностью предложить тексту свои варианты интерпретации, основанием для которых служат наши собственные проекции на другие тексты, положения научных парадигм, наша текстовая память и культурные приоритеты. Как отмечает Е.Е. Бразговская «Любой текст всегда занимает позицию “между”: своим рождением он откликается на уже существующие тексты и сразу же становится потенциальным “предтекстом” для возникновения последующих» [2], данное положение может быть применено к библиотеке как текста текстов, т.е. метатекст.

Восприятие библиотеки как смыслового метатекста можно найти в научных концепциях. К.Р. Поппер в рамках концепции «третьего мира» определяет третий мир как – мир объективного содержания мышления, включающий научные идеи, поэтические мысли, произведения искусства, иными словами мир знаний, реализованных, документированных, текстуализованных. Третий мир, будучи продуктом человеческой деятельности, обладает полной автономией. Человечество постоянно воздействию на него, но в тоже время подвергается воздействию с его стороны. Посредством этого взаимодействия человечества с третьим миром происходит рост объективного знания, без четкого выделения субъекта знания [10].

По оценке О.И. Чавкунькиной, библиотека как метатекст в работах: не стремится к обретению своей цельности и завершенности (библиотека восприниматься и как единый Текст культуры и как совокупность текстов культуры); выполняет роль вместилища некоторого культурного смысла, обеспечивает его хранение и трансляцию; динамична и открыта для свободного понимания, толкования и преобразований, что ведет к «порождению новых смыслов (смыслопорождающая или креативная функция); ориентирована на смысловой коммуникативный процесс, где адресация отличается многообразием и предполагает продолжение и досоздание текста другим, т.е. носит диалогический и полилогический характер» [12, с. 17–18].

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что любое явление культуры отражает информацию о пространственно-временном и индивидуально-личностном континууме, в рамках которого оно было создано. Определяя текст как открытую смысловую структуру, постмодернисты рассматривают его пространство как имманентно подвижное, открытое для реализации креативного потенциала самоконфигурирования, что позволило, используя структуралистский и семиотический подходы Х.Л. Борхесу и У. Эко, в рамках художественной рефлексии, разработать имплицитную модель библиотеки как метатекста: вместилища некоторого культурного смысла, обеспечивающего хранение и трансляцию культурной памяти, открытую для свободного понимания, толкования и преобразования, что ведет к порождению новых смыслов.

Список используемой литературы

1. Борхес, Х. Л. Вавилонская библиотека / Х. Л. Борхес. – Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/245035-vavilonskaya-biblioteka.html>. – Дата доступа: 28.03.2016. – Загл. с экрана.
2. Бразговская, Е. Е. Магия сферы: концептуальная метафора в «Имени розы» Умберто Эко / Е. Е. Бразговская // Филолог. – 2011. – № 5. – Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_15_297. – Дата доступа: 28.03.2016. – Загл. с экрана.
3. Бразговская, Е. Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры / Е. Е. Бразговская. – Пермь : ПГПУ, 2008. – 200 с.
4. Вохрышева, М. Г. Библиография и культура: науч.-практ. пособие / М. Г. Вохрышева. – Москва : Литера.- 254 с.
5. Гаврилина, Л. М. Калининградский текст как метатекст культуры / Л. М. Гаврилина // Кантовский сборник. – 2010. – № 3 (33). – С. 64–79.
6. Леонов, В. П. Пространство библиотеки. Библиотечная симфония / В. П. Леонов ; науч. ред. Н. П. Лавров ; Б-ка РАН. – Режим доступа: <http://mreadz.com/new/index.php?id=304430&pages=5>. – Дата доступа: 28.03.2016. – Загл. с экрана.
7. Можейко, М. А. Постмодернистское переосмысление феномена книги: внегугенберговское бытие книжной культуры / М. А. Можейко // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры: гісторыя і сучаснасць : зб. навук. пр./ Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск, 2011. – [Вып. 3.] – С. 39–64.

8. Нарижный Ю.А. Культура и философия эпохи постмодерна : монография / Ю. А. Нарижный. – Днепрпетровск : Днепропетровский гуманитарный университет, 2008. – 464 с.

9. Оводова, С. Н. Техника анализа текстов культуры : учеб. пособие / С. Н. Оводова. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. – 108 с.

10. Поппер, К. Р. Объективное знание: эволюционный подход / К. Р. Поппер. – Москва, 2002. – 384 с.

11. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. – 408 с.

12. Чавкунькина, О.И. Коммуникационная функция библиотеки как текста культуры / О. И. Чавкунькина // Социокультурный потенциал библиотек в современном мире: от монолога к полилогу : материалы V респ. науч.-практ. конф., Саранск, 20–21 апр. 2010 г./редкол. : Т.Н. Сидоркина (отв. ред.), Г.М. Агеева (сост.) [и др.]. – Саранск, 2010. – С. 16–19.

ІНТЕРАКТИВНЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЕ КІНО ЯК РЕЗУЛЬТАТ ПОЄДНАННЯ НОВИХ СУЧАСНИХ ТЕХНОЛОГІЙ ТА КЛАСИЧНИХ ПРИНЦИПІВ КІНЕМАТОГРАФУ

*Монастирська Анастасія Ярославівна,
асистент-стажист КНУТКиТ ім. І.К. Карпенка-Карого
amonasturska@gmail.com*

Останнім часом все більшої популярності серед глядачів набуває інтерактивне документальне кіно, яке ризикує поступово витіснити з екранів звичну для нашого розуміння кінодокументалістику.

Інтерактивне (в перекладі з англійської “interaction” – “взаємодія”) документальне кіно надає глядачу документальний контент за допомогою цифрових технологій.

Серед найбільш розповсюджених видів інтерактивної документалістики є web-документалістика, міжмедійна документалістика, міжплатформна документалістика, документалістика на місцевості та документальні ігри.

Концепція інтерактивного кінематографу виникла ще на початку 90-х років ХХ ст., проте почала розвиватися швидкими темпами лише завдяки новим сучасним технологіям.

Чи не найбільше на розвиток сучасного кінематографу впливають нові можливості використання віртуальної реальності. Віртуальна реальність є новою технологією безконтактної інформаційної взаємодії, що реалізується завдяки комп’ютерному моделюванню, створенню візуальних та звукових ефектів, що допомагають ще глибше занурити глядача в уявний світ.